

Сцена из
спектакля

ренесла его в современность, поднимая вопросы человеческой холодности и отчуждения. Этими же вопросами, судя по всему, задается Анна Закусова в работе с омской труппой. Возможна ли любовь в сегодняшнем мире? Или люди, как мотыльки-однодневки, способны лишь кружиться вокруг источника света, пытаться ухватиться друг за друга, урвать свой ку-

сок тепла, оставаясь при этом слепыми и равнодушными по отношению к близким, умерщвляя свою душу с каждым новым разочарованием? Кажется, мы совершенно перестали понимать друг друга на всех уровнях — вербальном и невербальном.

Софья ЧИКИНА
Фото Андрея КУДРЯВЦЕВА

ТОМСК. Свет О. Генри

Мир О. Генри — это неподражаемое мастерство, тонкое остроумие, свободный полет пера. Но это и тайны биографии писателя, изредка отбрасывающие тени на светлый фон его творчества. В некоторых сюжетах драматизм звучит открытой печалью. Точеная форма захватывающих новелл словно сочинена ангелом превращений, не сумевшим преобразить в подобный сюжет свою собственную жизнь. Эл Дженнингс, друг писателя, налетчик и звезда голливудских вестернов, в своей книге «Сквозь тьму с О. Генри» вспоминал: «Да-

же в дни блистательного успеха в Нью-Йорке Портер никогда не мог отрешиться от встающего за его плечами мрачного призрака тюремных стен».

Сценические адаптации или экранизации рассказов О. Генри, как правило, иллюстративны и передают лишь эффектные повороты сюжетов, в то время как художественный мир автора ими совсем не исчерпывается. Вообще говоря, интеграция прозы на театральную сцену вне сохранения духа и высшей сути первоисточника если и рождает некий эквивалент, то весьма отдаленный. А вот уловить не-

Сцена из спектакля. В центре Пози Кэрингтон — Е. Мельдер

уловимое, увидеть невидимое и найти ему неожиданное сценическое соответствие — равно чуду.

Именно так воспринимается спектакль «Имажинарий м-ра О. Генри» в постановке **Андрея Черпина** в **Томской драме**. Спектакль удивителен для наших сегодняшних театральных приоритетов. Тонкий, красивый, объемный, музыкальный (не только по факту щедрого использования различных музыкальных произведений, но словно бы музыкально пульсирующий изнутри). Думаю, что источником его стилистики как раз и послужил весь мир О. Генри, а не только многоцветная палитра рассказов писателя. Этот сверкающий мир образов — имажинарий — создают сценические герои (из занятых в спектакле 26 актеров многие играют по несколько персонажей), пересечения их стремлений, воплощения парадоксальных мотивов их действий. Андрей Черпин использовал в своей инсценировке некоторые факты биографии писателя, фрагменты воспоминаний Эла Дженнинга и восемь рассказов О. Генри.

Спектакль поистине полифоничен. Сценическое пространство большого многофигурного полотна (художники **Мария Лукка** и **Александр Мохов**) разомкнуто прекрасным видеорядом Америки начала XX века и другими средствами мультимедиа (режиссер **Наталья Наумова**, художник по свету **Андрей Долгих**). Отдельные истории легким режиссерским жестом объединены в условный сюжет прохождения персонажами кастинга на киностудии. Однако сразу понятно, что не истории и сюжеты в центре внимания постановщика. Сюжеты не завершены, истории оборваны и получают свое развитие внутри одних и тех же романтических тем — жизни и любви, мечты и смерти. Эти тематические переплетения звучат в каждой истории, они сменяют друг друга, перетекают одна в другую и совершают последовательное восхождение к финальной части — вслед за звучащей в спектакле музыкой из «Искусства фуги» И.С. Баха. Реальность переходит в мечту, любовь побеждает смерть, а фантазии становятся силь-

Мейда – Т. Тёмная, мистер Рэмзи – И. Лабутин

нее убожества бытовых обстоятельств. Для Мейды (**Татьяна Тёмная**) жертва во имя подруги – светящееся алое платье за витриной – куда важнее конкретного («**Алое платье**»), а для Джеймса Тэрнера (**Артем Киселев**) мир его чудачеств – предпочтительнее денег («**Кому что нужно**»), да и вообще слова любви все равно ведь проявятся и в кулинарном рецепте («**Весна порционно**»)...

Одна из первых сцен: видеоряд дороги, взмывающей в необозримую даль урбанистического пейзажа, вдруг резко прерывается трагической прогулкой заключенных по кругу тюремного двора. Стремительная линия воздушной перспективы перечеркивается тяжелым грохотом кандалов. Так внедряется тюрьма в жизнь Билла Портера, так начинается и душераздирающая история невинного молодого человека, казненного в тюрьме на электрическом стуле. Историю его посмертного оправдания мы уви-

дим ближе к финалу спектакля, где тема преодоления смерти получит свое блестящее воплощение в сценической метафоре посмертного соединения влюбленных из «**Меблированной комнаты**». Таким образом, эта тема развивается в разных вариациях, проходит через весь спектакль и завершается мощным крещендо финала – экранным текстом стихов Дилана Томаса «Не гасни, уходя во мрак ночной» под звук голоса Энтони Хопкинса, читающего их на английском языке.

Преодолевая смерть, герои спектакля преображают и повседневность. Сияние любви украшает самых будничных персонажей, как это происходит с поющей Кларой в исполнении **Ирины Шишляниковой** (сюжет «**Предвестника весны**»). К слову, все актеры в спектакле поют, не берусь оценивать их английский, но звук живого голоса прекрасен (педагоги по вокалу **Ирина Абушаева** и **Ека-**

Сцена из спектакля. На переднем плане Джеймс Тэрнер — А. Киселев

терина Пронягина). Пластическая партитура **Эдуарда Соболя** включила актерский состав в атмосферу заразных ритмов эпохи, наделив каждого живой выразительностью движений и отточенной танцевальной гибкостью.

Все исполнители великолепы. **Екатерина Мельдер** в роли Позы Кэрингтон («Погребок и роза») — подлинная кинозвезда и настоящая героиня О. Генри, внезапно променявшая звездную славу и головокружительную карьеру на тихий зов родной провинции — под натиском ностальгического вторжения в лице «земляка» Хайсмита (**Антон Антонов**). На Джуди Грин в исполнении **Нatalьи Абрамовой** невозможно насмотреться — столько грациозного остроумия в ее озорной имитации Чарли Чаплина! Высший пилотаж стиля, блеск артистизма и яркую роскошь индивидуальности обнаруживает **Вера Тютрина** в роли Певицы из бара. Магия обаяния актрисы за-

вораживает и переносит зрителя в пространство какой-то колдовской игры, восхитительной и необъяснимой...

Думаю, впрочем, что смысловая и сценическая глубина спектакля тоже не поддежит детальному анализу. «Имажинарий м-ра О. Генри» — из тех спектаклей, о которых не говорят, их смотрят и пересматривают.

По словам Эла Дженнигса, О. Генри «был человеком-призмой, он превращал проходящий сквозь него свет в семицветную радугу... Душа Билла обладала поразительным спектром различных нюансов — от светлого юмора до глубокой тьмы». Спектакль как раз и представляет сценическую полифонию этой семицветной радуги, где свет пробивается сквозь тьму и звучит контрапунктом любви.

Галина ГАНЕЕВА
Фото из архива театра